

Илья
Калинин

Призрак юбилея



Пожалуй, ничто так скандально не обнажает иронию истории, как сам факт революционного юбилея. Революция претендует на остановку и перезапуск исторического движения, на преобразование мира, которое привело бы к совпадению должного и существующего. Парадная логика юбилея, напротив, состоит в том, чтобы подчеркнуть поступательность и линейность времени, за ней стоит стремление приручить историю с помощью хронологии. Юбилей революции означает торжество порядка над спонтанностью, реванш со стороны государства, которое обретает ретроспективную власть над тем, что ставит под вопрос любую государственность. Юбилейное торжество рутинизирует историческое событие революции, превращает его в тщательно разыгрываемый спектакль, канализирует ее творчески разрушительную энергию в социальные, политические,



**ПОЛИТЭКОНОМИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

культурные ритуалы, стабилизирующие существующий порядок вещей.

В каком-то смысле юбилей революции почти всегда контрреволюционен (само стремление еще раз пережить революционный опыт вначале находит воплощение в магической мистерию воспроизводства революционных событий¹, затем сюжетно объективируется в мифе, после чего переходит в стадию все более формализуемого обряда). Миф обречен на свое жанровое «вырождение» в сказку², даже если это миф об основании, рассказывающий об историческом начале того или иного сообщества. Модерное общество лишь ускоряет эту тенденцию, заменяя магическую реальность архаического ритуала символической политикой и мемориальной практикой. Так происходит даже тогда, когда речь идет о государстве, идеологически наследующем революции³. Тем большая двусмысленность возникает в том случае, если юбилей революции вынуждено отмечать государство, которое занимает двойственное положение по отношению к прошлому, этой революцией порожденному.

Историю советских и постсоветских юбилеев революции можно схематич-

но представить как кардиологическую кривую, фиксирующую постепенное замирание революционного сердцебиения. Хотя временами это замирание прерывалось всплесками социальной активности, так или иначе соотносящей себя с историческим горизонтом 1917-го. Первый десятилетний юбилей дал революции ее визуальный образ, срежиссированный Сергеем Эйзенштейном в сцене штурма Зимнего дворца: чем дальше, тем больше она будет восприниматься как кадры документальной кинохроники. 1937 год отметил второе десятилетие революции, введя в действие сталинскую концепцию «усиления классовой борьбы по мере завершения строительства социализма», позволившую обосновать необходимость репрессий. Юбилей, пришедшиеся на 1947-й и 1957 годы, отмечались не столь широко, во многом растворившись в актуальной на тот момент повестке: послевоенного восстановления советской экономики и процессов десталинизации и реабилитации репрессированных, запущенных XX съездом. Пятидесятая годовщина Октября совпала с финальным годом «оттепели» и, пожалуй, была последней, когда большая часть советского общест-

- 1 Ср. предпринятое к третьей годовщине октябрьской революции «повторное взятие» Зимнего дворца, в котором участвовали 10 000 человек, включая солдат и матросов действующей Красной Армии, военную технику и крейсер «Аврора». Руководил постановкой Николай Евреинов – театральный режиссер, еще до революции успевший создать теорию «театрализации жизни» и «театротерапии», согласно которой, театр наделялся силой, способной трансформировать социальные отношения. Об этой постановке и ее политических импликациях см.: Чубаров И. *«Театрализация жизни» как стратегия политизации искусства. Повторное взятие Зимнего дворца под руководством Н.Н. Евреинова (1920 год) // Советская власть и медиа / Сб. под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсгена. СПб., 2006. С. 281–295.*
- 2 См.: Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки.* Л., 1986; Мелетинский Е.М. *Поэтика мифа.* М., 1976.
- 3 Историк французских революционных праздников, введенных Республикой после 1789 года, описывает их становление как историю глубочайшего разочарования, вызванного тем, что революция все меньше узнавала себя в тех утопических основаниях, которыми она изначально вдохновлялась. Являясь невротической попыткой вернуться к этим основаниям, революционный праздник лишь воспроизводил и усиливал это несоответствие постреволюционной реальности с ее утопическим истоком: «[Революционный] праздник, желающий быть свободным и стихийным, обрастает предосторожностями и принуждением; он постоянно делит людей на касты, на избранных и презренных, хотя изначально стремился к слиянию всех воедино; он оборачивается пародией и завершается в пустоте» (Озуф М. *Революционный праздник: 1789–1799.* М., 2003. С. 21).

ва была готова инвестировать в революционную традицию своей исторической оптимизм. В течение последующих двадцати лет все больше ритуализировалась не только память о революции, но и сама готовность людей отождествлять окружающую их социокультурную реальность с последствиями когда-то свершившейся революции. Парадоксальным – если не сказать, трагикомическим – образом последний советский юбилей октябрьской революции (1987) оказался событием, в котором встретились две тенденции, противоположные по своему политическому вектору, но совпадающие по фундаментальному историческому смыслу. Реформирующееся государство попыталось воспользоваться юбилеем, чтобы продемонстрировать свою преемственность по отношению к революционному началу. При этом инициированный официальной политикой перестройки мощный социальный подъем одновременно был и воспроизводством революционной ситуации, и отрицанием конкретного идеологического содержания, устойчиво ассоциировавшегося с наследием Октября 1917-го⁴.

Постсоветская Россия должна была заново выстраивать свои отношения с революционным прошлым, стремясь отмежеваться от него, представив в качестве чужого. На протяжении 1990-х годов обращение к памяти о революции носило отчетливо выраженный политический характер. Для значительной части населения – пострадавшего от неолиберальных экономических реформ и общего упадка государственных

институтов социальной поддержки – революция оказывалась консолидирующим символом протестной мобилизации. В свою очередь коммеморативные стратегии государства состояли в дискредитации революции (как предательства национальных интересов, как исторической ошибки, направившей Россию по ложному пути, как прерывания «нормального» процесса либеральной демократизации, как концентрации бессмысленного насилия), а также нейтрализации ее присутствия в общественном пространстве и публичном дискурсе. С 1996 года указом президента Бориса Ельцина официальное название государственного праздника «Годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции» «в целях единения и консолидации российского общества» было изменено; теперь этот день стал отмечаться как День согласия и примирения⁵. Начиная с 2005 года 7 ноября перестал быть выходным, вместо него обществу был предложен новый патристический праздник – День народного единства, который отмечается 4 ноября, отсылая к событиям начала XVII века, предшествовавшим воцарению династии Романовых. Президентские выборы 1996 года показали, что, несмотря на агрессивную пропаганду, связывающую советское прошлое с «красно-коричневой угрозой» российскому настоящему и будущему, значительная доля общества поддерживает союз коммунистических и национал-патристических сил, продолжающих обращаться к прежнему символическому ресурсу. В этих условиях российская власть стала работать

⁴ Об этом см.: МАГУН А. *Отрицательная революция. К деконструкции политического субъекта*. СПб., 2008.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 7 ноября 1996 года N 1537 «О Дне согласия и примирения» (www.kremlin.ru/acts/bank/10231). В тексте указа отмечается, что переименование праздника осуществляется для того, чтобы «впредь не допускать противостояния». Так что речь шла даже не столько о смене символического режима исторической коммеморации, сколько о стремлении минимизировать возможность протестной политической мобилизации, все еще актуальной в связи с празднованием революционных годовщин.



с отдельными фрагментами исторического нарратива о революции и последующей советской истории более тонко и аккуратно.

Новый принцип политического маневрирования состоял в цепочке семантических сдвигов, меняющих акценты, заменяющих смыслы и подменяющих даты: стратегия отмены смягчилась и была превращена в тактику переименований и переносов⁶. В 1996-м прежняя дата наделялась противоположным смыслом, в 2005-м хронологический перенос апеллировал к событиям, которые не имели к октябрьской революции уже не только прямого, но и противоположного отношения, – однако ассоциативно переход к Дню народного единства все же был подготовлен прежним переименованием: Днем согласия и примирения. Так в два шага, «не отменяя» праздника революции, его превратили в праздник национально-патриотического учреждения государственности (во главе которой находилась та самая династия, которая была свергнута в 1917-м), а три дня, отделяющие новый праздник от прежнего, позволили направить в обратном порядке трехсотлетнюю историю дома Романовых.

100-летний юбилей революции, на пороге которого стоит в этом году Россия, представляет для ее руководства определенную проблему. И дело не в том, как считают некоторые, что власть боится ее повторения. Помимо магии чисел, в нынешней России ничто

даже не напоминает о тех условиях, которые сделали возможными февральскую и октябрьскую революции 1917-го. Внутренняя тревога, заставляющая власть проявлять предъюбилейную активность и задавать доминирующую рамку общественного восприятия революции, резонирует не с самим историческим событием, имевшим место в 1917 году. Она связана со спецификой исторического воображения, лежащего в основании нынешнего государственного патриотизма, и укоренена в историческом бессознательном политической элиты, вынужденной высказываться о событии, о котором она предпочла бы забыть. Призрак революции оказывается значительно более молодым и опасным, нежели сама столетняя революция. Официальная идеологическая рамка отмечаемого юбилея предназначена как раз для того, чтобы встать на пути этого призрака, не дать ему стать частью возможного исторического горизонта, определяющего линии политического размежевания, – или хотя бы частью необходимой общественной исторической рефлексии.

Призрак коммунизма, тревожащий мир с 1848 года («Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса), в этом году отмечает сто лет со дня своего превращения в реальный ориентир социальной трансформации и государственного строительства. Однако трудно себе представить что-либо более далекое от коммунистических идей

6 Ср. воспоминание Людмилы Пихоя, рассказывающей о том, как на одном из заседаний в президентской администрации, руководителем которой в тот момент был Анатолий Чубайс, было принято решение о переименовании: «Почему бы не переименовать праздник Великой Октябрьской революции в праздник, объединяющий всех?.. То есть Октябрьская революция всех разделила, но мы не отменяем этот праздник, а переименовываем» (Соколова М., Яковлева Е. *Прибавление смуты. Что мы будем праздновать 4 ноября* // Российская газета. 2004. 4 ноября). При этом «прибавление смуты», через фигуру которой многими довольно скептически оценивался очередной сдвиг значения, символизируемого новым государственным праздником, было не побочным эффектом проводимой властью символической политики, а ее прямой целью, состоящей в постепенном рассеивании мобилизующего образа революции, в максимальной неопределенности и размытости идейных ориентиров, позволяющих реактуализировать фрагменты различных исторических нарративов и культурных традиций в зависимости от конкретной необходимости.

и социалистических ценностей, чем современное российское государство. Его постсоветский характер определяется прежде всего унаследованной от советского прошлого технологической, экономической и отчасти административной инфраструктурой, чья анахроничность становится все более угрожающей. В то же время выстраиваемый российской властью национально-патриотический консенсус радикально отличается от ценностных императивов, характерных для любого из периодов советской истории. Сверхзадача формируемой Кремлем патриотической гегемонии состоит в том, чтобы скрыть от общества, да и от самого себя, тот факт, что повседневный этос, характерный для подавляющего большинства сторон российской жизни (причем на всех уровнях социальной пирамиды) вполне точно соответствует обыденной аксиологии глобализированного мира, официально ассоциируемого в России с негативным образом Запада. Радости потребления, конкуренция за жизненные блага, индивидуализм пользуются значительно большим социальным спросом, чем православная вера, жертвенная любовь к Отечеству или коллективное чувство национального единства. Поэтому мифологизация прошлого и конструирование героической исторической традиции становятся едва ли не единственным способом заполнить внутреннюю пустоту национальной патриотической идеи – в том виде, в котором ее пытается навязать обществу российское государство. Иными слова-

ми, именно сознательно конструируемое прошлое должно стать той реальностью, отождествляясь с которой, российские граждане призваны обретать основания для культурной идентификации, радикально отличающей их от западного Другого.

Вызов, провоцируемый юбилеем революции, заключается в необходимости растворить революционный смысл самого события в историческом нарративе, отрицающем революцию как таковую. Двусмысленность предстоящего юбилея состоит в том, чтобы *одновременно и признать* «Великую российскую революцию 1917–1921 гг.»⁷ как важную часть русской истории, *и редуцировать ее значение* к временному разрушению российской государственности, социальному расколу и слому национальной культурной традиции, которые затем пришлось восстанавливать. Внутренняя логика официального исторического нарратива такова. Большевикам и Сталину удалось восстановить российскую государственность, так что границы СССР практически совпали с границами Российской империи (этот факт, а также победа в Великой Отечественной войне позволяют хотя бы отчасти реабилитировать тех, кто несет ответственность за революцию 1917-го). Эпоха позднего социализма, которая для значительной части российского общества выступает основным объектом ностальгического самоотождествления, предстает как период наивысшего социального единства, когда все возможные мотивы общественного напряжения (от эконо-

7 Именно под этим именем объединены события февраля и октября 1917-го в современных единых учебниках истории, предназначенных для российских школ, см.: *Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории*. М., 2013. С. 46. Это переименование позволяет избежать разговора о том, что значит «социалистическое», и растянуть *революционное событие*, смысл которого прежде влывал историческую континуальность, превратив его в *революционный процесс*, который в свою очередь оказывается проще вписать в линейную логику «непрерывной российской истории, взаимосвязи всех ее этапов» (Путин В.В. *Выступление на заседании Совета по межнациональным отношениям 19 февраля 2013 года* (www.kremlin.ru/events/president/news/17536)).



мических до этнических) были минимальны. Теперь наступило время для возрождения того, что предьявляется в качестве органической национальной традиции, основное послание которой – единство, непрерывность и преемственность тысячелетней истории российской государственности и русской нации. Вне этого общего контекста невозможно понять, что означает необходимость сформулировать официальное отношение к революции, стоящая перед российской властью.

Центральным посланием торжественных мероприятий должна стать идея примирения⁸, а ответственность за их подготовку возложена на Российское историческое общество (общественную организацию, которую возглавляет Сергей Нарышкин, долгое время руководивший Государственной Думой, а с октября 2016 года ставший директором Службы внешней разведки), которому должно помогать Министерство культуры. Однако сама идея превратить юбилей революции в повод для всенародного примирения «между потомками белых и красных» принадлежит президенту Владимиру Путину, логично вытекающая из той политики, которая проводится Россией начиная с 2004–2005 годов. Поворотными точками в ее формировании стали «оранжевая революция» в Киеве (2004) и подготовка к празднованию 50-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне (2005). Именно с этого момента и начала складываться

идеологическая констелляция, в которой нарастающая конфронтация с Западом (обозначенная Путиным в его Мюнхенской речи (2007)) стала сопровождаться все большими инвестициями в глорифицируемое прошлое русской истории и все большей демонизацией самой идеи революции как одной из возможных форм исторического движения.

Свое отрицательное отношение к революции Владимир Путин высказывал неоднократно⁹. В очередной раз он выразил его во время своего последнего Послания Федеральному собранию (1 декабря 2016 года):

«Уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, укрепления общественного, политического, гражданского согласия. Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки»¹⁰.

Понятно, что речь здесь идет именно о революции и гражданской войне. Понятно, что эти события носили трагический характер. Понятно, что расколотое кровавым гражданским противостоянием общество нуждается в примирении. Не понятно лишь то, почему сейчас, через сто лет после этих событий, российское общество нуждается в примирении «потомков белых и красных». Так Пакт

8 Официальные позиции основных действующих лиц, участвующих в подготовке юбилея см.: БАРАБАНОВ И., БЕКБУЛАТОВА Т., КОРЧЕНКОВА Н. *Революцию отмечают мирно* // Коммерсант. 2016. 20 декабря (www.kommersant.ru/doc/3176519).

9 Первое публичное выражение его отношения к революции можно найти в развернутом интервью, которое Путин (в тот момент председатель комитета по внешним связям мэрии Ленинграда) в 1991 году дал известному режиссеру-документалисту Игорю Шадхану. Это был один из фильмов цикла «Власть», которую компания «Русское видео» снимала о команде Анатолия Собчака. Сейчас найти этот фильм в сети оказалось невозможным, остались только фрагменты, включенные Шадханом в его следующий фильм о Путине («Вечерний разговор», 2002). В одном из них Путин напрямую связывает распад СССР с разрушением унитарного Российского государства в 1917 году (www.youtube.com/watch?v=ZKPdH0sL1ZM).

10 *Послание Президента Федеральному собранию* (www.kremlin.ru/events/president/news/53379).

Монклоа, или Пакт о запрете на политическую инструментализацию, был принят в Испании в 1977 году через два года после смерти диктатора Франко, то есть в самом начале демократического транзита, когда забвение социального раскола и преступлений прошлых лет казалось необходимым для оформления легитимного и конкурентного политического пространства. Однако начиная с 1990-х годов в Испании разворачивается все более активное общественное движение, добивающееся иного отношения к историческому прошлому. Так что, несмотря на аргументы консервативных сил, требующих «не бередить старых ран», революция, гражданская война и последующие репрессии франкистского режима становятся актуальными темами публичной дискуссии, накладывая свой отпечаток и на политический процесс¹¹. В случае же современной России мы имеем обратную ситуацию, когда «пакт о забвении» становится все более настойчивым требованием, блокирующим какую-либо социально значимую рефлексию о месте революции (или о сталинских репрессиях, или о не совпадающих с официальным героическим нарративом фактах и событиях Второй мировой войны) в истории XX века. «Терапевтическое забвение», установка на молчание о травматическом прошлом имеют давнюю традицию, прослеживаемую со времен окончания Пелопонесской войны¹². Однако эта практика продуктивна и целесообразна в отношении недавних событий¹³. В нашем же случае

речь идет об обратной тенденции: чем дальше уходит живая коммуникативная память, которая могла бы действительно стать основанием для гражданского конфликта, тем настойчивее государственная мемориальная политика апеллирует к перспективе такого конфликта, чтобы свернуть дискуссию о прошлом, монополизировав его в качестве ресурса выстраиваемой патриотической гегемонии¹⁴.

Нетрудно понять, что речь в Послании президента идет о каком-то ином «примирении и укреплении общественного, политического, гражданского согласия», для которого обращение к прошлому является лишь предлогом. Тревожащие российскую власть баррикады не имеют никакого отношения к революции 1917 года. Обращение к памяти предков и «урокам истории» необходимо лишь для того, чтобы зацементировать социальные расколы, угрожающие власти в данный момент и не имеющие никакого отношения к былым «трагедиям, коснувшимся практически каждой семьи». Государство стремится присвоить трагический опыт революции, извлекая из него максимально контрреволюционный эффект. Юбилей революции должен сработать как срежиссированный государством ритуальный механизм, благодаря которому революция, сто лет назад свергнувшая монархию, а затем и буржуазное правительство, теперь должна послужить укреплению власти нового национального лидера и созданного им

11 Об этом см.: Капдепон У. *Историческая память и диктатура Франко / общественная дискуссия в современной Испании // Уроки истории. XX век* (http://urokiistorii.ru/history/soc/52128#_ednref6).

12 О различных примерах того, как накладывался запрет на память о гражданских конфликтах, способную заново разжечь ненависть и насилие, см.: MEIER CH. *Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit*. München, 2010.

13 Об исторической динамике и социальной прагматике памяти и забвения см.: Ассман А. *Новое недовольство мемориальной культурой*. М., 2016. С. 193–217.

14 О механизмах и эффектах такой монополизации см.: Калинин И. *Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты // Неприкосновенный запас*. 2013. № 2(88). С. 200–214.



режима. Общее прошлое используется как экран исторического воображения, на который транслируются страхи тех, кто находится у власти в данный момент. Перспектива политической мобилизации, которая могла бы поставить под вопрос положение нынешней власти, описывается в терминах угрозы гражданского конфликта; представления о гражданском конфликте должны вызывать в памяти образы насилия, ассоциируемые с 1917–1921 годами. Цель символической политики российского государства состоит в том, чтобы постоянно поддерживать социальную воспроизводимость этой одновременно логической и аффективной цепочки. Предполагается, что общество, взглядевшись в этот преобразенный страхами элиты экран, должно сплотиться, чтобы подобное прошлое никогда не повторилось. Тех же, кто пытается увидеть в прошлом своей страны что-то иное, кроме исторического урока государственного патриотизма и лояльности действующей власти, обвиняют в попытках политизации прошлого, за которыми стоят личный эгоизм или предательство интересов страны. Таким образом, государственная политизация прошлого разворачивается через декларативно объявленную войну с попытками ее политизировать (впрочем, по той же логике разворачивается и борьба российского государства с коррупцией).

Чем больше «цветных революций» происходило в соседних с Россией государствах, тем более одержимой становилась контрреволюционная реакция российской элиты¹⁵. Революция превратилась в настоящего демона,

поселившегося в политическом бессознательном путинского режима. Любая протестная мобилизация общества мгновенно выпускает этого демона наружу. Авторитарная репрессивность режима во многом связана именно с этим страхом перед якобы угрожающей стране революцией. В итоге построенная в России политическая система стала заложницей историко-идеологической конструкции, которую она сама же и породила. В рамках этой конструкции любая оппозиция режиму определяется как стремление к революции, а силы, стремящиеся к революции, определяются как национальные предатели и внутренние враги, ставшие проводниками враждебной политики Запада. Кажется, существующая система не может выйти за рамки этих, ею же сконструированных, представлений, даже тогда, когда это контрпродуктивно для нее самой.

Стремление прочитывать революцию сквозь конспирологическую оптику имеет давнюю традицию. Так было и в 1917 году, когда Ленина и большевиков обвиняли в том, что они являются агентами немецкой разведки (характерно, что эти обвинения исходили от Временного правительства, то есть от тех, кого монархисты также обвиняли в том, что за свержением царя стояли интересы Великобритании и США). Та же конспирологическая логика применяется и сейчас, когда любым оппонентам или критикам режима вменяется, что они являются агентами Запада, стремящегося разрушить целостность России или как минимум подорвать ее влияние на постсоветском пространстве. Поэтому в любой протестной активности власти

15 Довольно симптоматично, что окончательное решение о введении Дня народного единства вместо Дня согласия и примирения (хотя бы по дате и своему реактивному смыслу, отсылающему к октябрьской революции) было принято 29 декабря 2004 года, то есть через несколько дней после успеха «оранжевой революции» в Киеве. Первым на это совпадение, кажется, обратил внимание Владислав Иноземцев, см.: Иноземцев В. *Раздвоение сознания* // Независимая газета. 2012. № 232. 7 ноября. С. 2.

мерещится демон грядущей революции, которому противопоставляются все возможные практики медийного, идеологического, политического и судебного экзорцизма. Именно такой экзорцистской риторикой изгнания инспирированных Западом демонов революции была пронизана борьба режима с протестным движением 2011–2012 годов¹⁶. Трагичность ситуации состояла в том, что у подавляющего большинства участников и сторонников недавнего протестного движения восприятие революции носило столь же негативный характер (это был буржуазный городской слой, совершенно не заинтересованный в каких-либо радикальных социальных преобразованиях, ставящих под сомнение свободный рынок, капиталистический характер экономики, частную собственность или стабильность российской государственности). Однако существующий в обществе антиреволюционный консенсус – при том, что генеалогия стоящих за ним представлений у разных групп населения носит различный характер¹⁷, – делает борьбу с якобы существующей революционной угрозой удобным и эффективным инструментом политической борьбы с оппонентами и мобилизации общества в поддержку режима.

Российский политический режим использует созданный им образ революции как орудие для консолидации национального единства. Вначале революция демонизируется как нечто внешнее по отношению к здоровому коллективному телу нации. Затем все, что мешает

воспроизводству существующей власти, начинает ассоциироваться с революцией. Третий шаг состоит в задействовании разнообразных форм экзорцистского изгнания заразы, угрожающей народному единству. В свою очередь общество, уже принявшее и усвоившее предложенный ему образ революции, в целом поддерживает борьбу государства с теми, кто обозначен в качестве революционной угрозы.

Путинский призыв к юбилейному примирению слышен и в выступлениях других первых лиц. Спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко считает, что дискуссия об этом историческом опыте должна быть «направлена не на раздор и конфронтацию, а на примирение» тех, кто имеет о революции разные точки зрения¹⁸. Без понимания того внутреннего резонанса, в который входит революция 1917 года с «бархатными революциями» 1989-го, разрушившими советский блок, с распадом СССР (о котором как о трагическом событии, исторически связанном с революцией, Путин говорил еще в 1991-м) и с недавними «цветными революциями», произошедшими на постсоветском пространстве, ускользает реальный смысл этих навязчивых призывов к юбилейному «примирению». За ними стоит желание не просто утвердить единую историческую оценку конкретной революции, но и скомпрометировать любую оппозиционную активность, синонимизируемую с разрушительным образом революции. Министр культуры Владимир Мединский еще отчетливее указывает на современ-

16 Об экзорцистской риторике, направленной против протестного движения, и о ее бессознательных истоках, вписанных в эдипальную амбивалентность отношения российской политической элиты к перестройке, 1990-м годам и собственному происхождению см. мою статью: Калинин И. *Антиреволюционный экзорцизм* // Неприкосновенный запас. 2013. № 5(91). С. 130–138.

17 Подробный анализ того, как складывалось отрицательное отношение к революции 1917 года у различных общественных и политических сил в 1990-е годы см. в: Малинова О. *Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М., 2015. С. 32–88.

18 Цит. по: БАРАБАНОВ И., БЕКБУЛАТОВА Т., КОРЧЕНКОВА Н. *Указ. соч.*



ный контекст, стоящий за официальным взглядом на революцию, когда призывает к «осознанию трагизма общественного раскола» и подчеркивает «ошибочность ставки на помощь зарубежных «союзников» во внутривосточной борьбе»¹⁹. Не нужно обладать особенно развитыми аналитическими способностями, чтобы обнаружить в этих утверждениях их непосредственный предмет и прямых адресатов. Актуальность исторических параллелей вполне откровенно обнажает и советник председателя Государственной Думы, политолог Алексей Чадаев. Делясь с журналистами своими мыслями о том, какие торжественные мероприятия могли бы исходить от парламента, он заранее предвидит сложности с упоминанием о событиях февральской революции, закончившей с самодержавием, поскольку «роль Думы в феврале 1917 года, которая подталкивала царя к отречению, вряд ли понравится нынешнему созыву»²⁰.

Если свержение монархии и крах российской империи представляют собой события, несовместимые с идеологией государственного патриотизма, то столетие возрождения московского патриаршества, которое также выпадает на 2017 год, является намного более удобным и уместным поводом для юбилейных торжеств. Поэтому на официальном уровне столетие социалистической революции постараются, насколько это возможно, оттенить сто-

летием церковной автономии, ликвидированной при Петре I (1721). Так что залп крейсера «Аврора», давший сигнал к началу вооруженного восстания 25 октября 1917 года, будет заглушен колокольным звоном Исаакиевского собора, который собираются передать в руки Русской православной церкви, несмотря на протесты петербургской культурной общественности.

Но, пожалуй, главный мост, соединяющий прошлое с настоящим, будет построен, как и предполагается, в Крыму, где 4 ноября (то есть опять же не в день революционного юбилея, а в День народного единства) этого года будет открыт памятник примирению²¹. В буквальном смысле он отсылает к событиям осени 1920-го: именно Крым стал местом поражения белого движения и последующей эмиграции его сторонников. Но на более глубоком уровне идея этого памятника отсылает к событиям весны 2014 года, когда Крым стал частью Российской Федерации. То, что когда-то стало местом окончательного краха Российской империи, становится местом ее символического возрождения. Русская революция, совершив полный исторический круг, вернулась к точке исхода, одновременно полностью утратив свой изначальный смысл. Но именно в этом и состоит цель официального юбилея, который планирует отметить российское государство, по-прежнему борющееся с призраком революции.

19 БАРАБАНОВ И., КОРЧЕНКОВА Н., САМОХИНА С. *Октябрь впереди* // Коммерсантъ-Власть. 2016. № 49 (www.kommersant.ru/doc/3163935).

20 Там же.

21 Об этом см.: БАРАБАНОВ И., БЕКБУЛАТОВА Т., КОРЧЕНКОВА Н. *Указ. соч.*